

КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ВСЕОБЩЕГО ДОСТОЯНИЯ (“GLOBAL COMMONS”): НОВЫЕ ЦЕННОСТИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

© 2019 г. О. Барабанов, Е. Маслова

БАРАБАНОВ Олег Николаевич, доктор политических наук, профессор,
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (drolegbarabanov@gmail.com).

МАСЛОВА Елена Александровна, кандидат политических наук, доцент,
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76;
Институт Европы РАН, РФ, 125009 Москва, ул. Моховая, 11, стр. 2 (e.maslova@inno.mgimo.ru).

Статья поступила в редакцию 11.02.2019.

За прошедшее десятилетие понятие “глобальные проблемы” трансформировалось в новый концепт “глобальное всеобщее достояние” (“*global commons*”), понимаемое как в узком экологическом смысле, так и в более широком социальном. Современное развитие человечества и глобальное неравенство определяют постановку вопроса о доступе ко всеобщему достоянию, что в будущем может привести к принципиально новому типу конфликтов. Уже сейчас наиболее острые проблемы возникают в контексте взаимосвязи глобальной экологии и демографии. Становится все более явным противоречие между природным и социальным аспектами “*global commons*”. Тем самым концепция глобального всеобщего достояния может привести к столкновению между собой динамики экологического регулирования и социального развития глобального общества.

Ключевые слова: глобальное всеобщее достояние, экология, экологические идеологии, энвайронментализм, экологический след, экологическая политика, устойчивое развитие, глобальное неравенство.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-55-63

Одной из тенденций современной мировой политики является наблюдающийся постепенный сдвиг от “чистой” геополитики и *hard/soft power* суверенных государств к проблематике глобальных проблем – экологических, ресурсных, демографических. За прошедшее десятилетие понятие “глобальные проблемы” трансформировалось в новый концепт глобального всеобщего достояния (“*global commons*”), понимаемого как в узком экологическом смысле, так и в более широком социальном, и обсуждаемого как в формате ООН в контексте Целей развития тысячелетия, так и на различных международных площадках.

КОНЦЕПТ ГЛОБАЛЬНОГО ВСЕОБЩЕГО ДОСТОЯНИЯ И ЕГО ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Термин “*global commons*” получил многозначное толкование. В узком смысле под глобальным всеобщим достоянием понимается окружающая среда (климат, воздух, вода, пахотные ресурсы, биоразнообразие и пр.). В широком смысле понятие включает в себя, кроме всего прочего, социальное общее достояние человеческого общества, например, доступ к здравоохранению, пищевой корзине, комфортной городской и социальной среде и т.п. Наконец, в самой радикальной расширительной трактовке “*global commons*” воспринимается и как

планетарное (то есть трансграничное) единство человеческого рода [1].

Современное развитие человечества обуславливает постановку вопроса о доступе ко всеобщему достоянию, что в будущем приведет к принципиально новому типу конфликтов. Их зачатки видны уже сейчас – это споры вокруг углеродных квот, “водные войны”, миграционные конфликты и др.

Важно отметить, что концепт “*global commons*” и право на доступ к ним является не просто политической программой, но ценностно-идеологическим предметом – формируется новая экологическая идеология, которая в своей умеренной трактовке (устойчивое развитие, Цели развития тысячелетия и пр.) уже стала ценностным мейнстримом на глобальном уровне. Эта идеология может оказаться фундаментом для появления радикальных альтернатив (экологический анархизм и авторитаризм [2; 3], экофеминизм [4] и т.п.), которые могут стать вызовом глобальному мейнстриму и сложившемуся статус-кво.

С другой стороны, параллельно с радикальными экологистскими альтернативами все больше входят в повестку дня и противоположные им антиэкологистские альтернативы, в основе которых лежат негативизм и неприятие примата антропогенных факторов современного изменения клима-

та (противники научной валидности основ Монреальского и Киотского протоколов и др.) [5].

Другой ключевой (и конфликтогенный) аспект “*global commons*” — восприятие усиливающихся экологических ограничений с правом на развитие беднейших стран мира. Со стороны последних звучат заявления, что вся экологическая политика развитого мира представляет собой, по сути, новую форму неокOLONIALИЗМА (“экологический неокOLONIALИЗМ”), поскольку строгие экологические (и иные) ограничительные нормы, формально связанные с заботой о “*global commons*”, фактически представляют собой барьеры развития стран Третьего мира — тем самым закрепляя неравенство между “золотым миллиардом” и остальной планетой [6].

Еще одной острейшей проблемой, связанной с “*global commons*”, является демографическая — в частности, дискуссии (далеко не всегда политкорректные) о нехватке планетарных ресурсов для растущего населения. Они реанимируют мальтузианские предсказания о неминуемой перенаселенности Земли, провоцируют призывы к ограничению потребления [7]. С этим же связан и другой непolitкорректный вопрос — о том, что улучшение здравоохранения в беднейших странах напрямую влечет за собой резкий демографический прирост и, соответственно, усугубление всех вышеописанных проблем.

Проблематика “*global commons*” (в первую очередь экологическая, но не только) очень быстро получила теоретическое осмысление. Оно идет по нескольким направлениям. С одной стороны, имеют место попытки связать экологические сюжеты с традиционными политическими теориями (такими, например, как неолИБЕРАЛИЗМ, структурный реализм, неомАРКСИЗМ [8]). С другой стороны, в этой сфере получили большое распространение теории экологического переустройства глобального общества и политических систем. Иногда они находятся в рамках конструктивистской парадигмы, но часто выходят за них. Некоторые из этих теорий в силу понятной широты перспективы носят выраженный футурологический, а иногда и утопический характер.

Экологические дискуссии быстро приобрели политическое измерение. Сформировались партии “зеленых”, во многих странах они являются значимым фактором электорального процесса и политической жизни [9]. Программные и уставные документы этих партий ставят проблемы экологии во главу угла, и таким образом различные экологические теории трансформируются в политические идеологии. Этот процесс идет и на глобальном уровне. И если на уровне государств экологическая проблематика зачастую привязана

к тем или иным локальным аспектам (таким, например, как охрана природы при реализации инфраструктурных проектов, приоритетное строительство объектов “зеленой энергетики”, развитие заповедников и пр.), — что называется, “приземлена”, — то на глобальном уровне получают распространение выписанные “широким мазком” идеологии переустройства общества и мира на экологических началах [10, 11]. Такого рода экологические альтернативы в свою очередь формируют глобальное общественное мнение и постепенно меняют международную политическую повестку дня. Во многом благодаря этому постепенно формируется система глобального экологического управления [12]. А в ее рамках — ставятся вопросы о глобальной экологической ответственности отдельных государств и корпораций, о целесообразности надгосударственного характера принятия политических решений в сфере экологии, об обосновании права на вмешательство во внутренние дела государств по экологическим мотивам. Анализ экологических теорий и идеологий, в том числе радикальных и/или альтернативных, имеет вполне явное политическое значение, поскольку они во все большей степени влияют на глобальную политику будущего и на место тех или иных государств в ее рамках.

ЭКОЦЕНТРИЗМ И ЭКОНЕГАТИВИЗМ

Опасения относительно экологического благополучия планеты породили целый ряд философских и идеологических течений, а также общественные движения, которые можно объединить общим термином “энвайронментализм” [13]. Большинство сторонников данного направления стремятся к улучшению состояния окружающей среды и ее защите путем изменения характера взаимоотношений человека и природы через введение новых или изменение и отмену старых политических, экономических и социальных практик. Таким образом, большинству концепций присущ “экоцентризм” [14].

В то же время для многих “общих” социально-политических теорий вопросы экологии — и изменения климата в частности — занимают подчиненное место (если занимают вообще). В них лишь рефреном упоминается “устойчивое развитие” и другие ставшие уже мейнстримом экологические постулаты, а основное внимание обращено на традиционные (“внеэкологические”) аспекты развития обществ и политических систем. В связи с этим экологические концепции часто оказываются оторванными от основного предметного поля общественных наук в своего рода нише *per sé*. А между энвайронменталистами, с одной стороны, и социологами и политтеоретиками, с другой, про-

легла невидимая граница, переходить которую последние часто не предполагают.

Наконец, особняком применительно к экологическим идеологиям стоит эконегативизм. Его отличает неприятие аргументации, лежащей в основе как различных течений энвайронментализма, так и практической мировой политики по охране окружающей среды. Особую остроту полемика эконегативистов получила в связи с разработкой международных механизмов по контролю за выбросами в атмосферу парниковых газов (например, Монреальский протокол, Киотский протокол, Парижское соглашение, соответствующие программы ЕС и др.). Среди контраргументов эконегативистов большое место занимают тезисы о неантропогенной природе изменения климата. Как пример такого подхода можно привести “водородную гипотезу”, которую в России разрабатывает В.Л. Сывороткин [15, 16]. Ее суть состоит в том, что в основе происходящих изменений лежит не деятельность человека, а глубинная дегазация водорода из недр Земли.

Следует также отметить, что в контексте острой политической дискуссии по поводу присоединения тех или иных стран к Киотскому протоколу и другим соглашениям подобного рода аргументы эконегативистов стали приобретать не только естественно-научный, но и политический характер.

ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

Реализация энвайронменталистских идеологий в политической практике идет по нескольким направлениям [17]. С одной стороны, концепция устойчивого развития легла в основу экологической политики ООН и других межправительственных организаций, а также природоохранной практики многих государств. С этим связано и внедрение различных новаций в экономике: акцент на возобновляемых источниках энергии, квоты на выброс парниковых газов и идеи “безуглеродной экономики”, экологические стандарты топлива и пр.

С другой стороны, на внутригосударственном уровне следует отметить развитие и электоральный успех в целом ряде стран политических партий нового типа — партий “зеленых”. А на транснациональном, глобальном уровне — развитие сети экологических НПО, таких, например, как “Гринпис” и Всемирный фонд дикой природы.

Отличительной чертой энвайронментализма является полный или частичный отказ от антропоцентризма (в то время как традиционные политические идеологии стоят именно на позиции антропоцентризма, представляя природу источником материальных ресурсов для развития челове-

ства). Такой подход выводит энвайронменталистов за пределы классического политического спектра и размежевания “правые—левые” [18, 19].

Энвайронменталисты должны быть не слева или справа, а “впереди” традиционного партийного спектра. Иными словами, “зеленая” партия должна стать неким координирующим органом, формирующим повестку дня, исходя из реальных нужд, а не из абстрактных идеологических воззрений. Впрочем, как показала практика, в реальности значительная часть действующих и относительно успешных экологических политических партий и международных НПО примкнула к левоцентристским или левым политическим силам.

К примеру, в рамках фракционной структуры Европарламента экологические партии стран Северной Европы объединены вместе с крайне левыми и коммунистическими силами в общую группу “*European United Left – Nordic Green Left*”. В результате их проэкологические установки смыкаются с требованиями радикальных социальных преобразований, социального равенства, и “призрак коммунизма” парадоксально становится средством для достижения экологических целей. Исторические корни многих зеленых движений в Западной Европе берут свое начало в социальных и студенческих протестах 1968 г., а также связаны с движением за разоружение и безъядерный мир. Так, один из лидеров немецкой партии зеленых Йошка Фишер начинал свою политическую деятельность как активист протестов той поры. Набравшая более 9% голосов на парламентских выборах 2017 г. голландская партия “Зеленые левые” (*GroenLinks*) исторически также представляет собой объединение местных коммунистических, пацифистских и евангелистских групп.

Успех экологических партий в различных странах далеко не одинаков. Примеры Германии, Голландии, Исландии сочетаются с противоположными результатами как на Западе, так и в незападном мире, где правительства предпочитают проводить государственную природоохранную политику.

Помимо вырастания “зеленых” движений из общесоциальных протестов, другой путь формирования активности экологических общественных движений и/или государственной экологической политики связан с серьезными природно-техногенными катастрофами или резким ухудшением экологической ситуации. Так, ярким примером служит авария на АЭС Фукусима-1, которая активизировала затихшую после Чернобыля дискуссию относительно экологической безопасности атомных электростанций, причем не только в самой Японии, но также в Германии и во Франции. Кроме этого, интересен пример Китая, когда изнанкой “глобальной фабрики” стало прогрессиру-

ющее ухудшение окружающей среды. В результате, согласно принятому в 2015 г. закону об охране окружающей среды, впервые в истории Китая этот вопрос получил статус базовой национальной политики.

Немалый интерес представляют страновые аспекты экологических идеологий. В ряде государств при выработке экологической политики можно проследить тесную связь формулируемых экологических идеологий с вопросами национальной идентичности, историческими и культурными традициями. Такой подход, с одной стороны, обладает консолидирующим действием в отношении населения страны и привлечения его внимания к экологии, делает природоохранную проблематику естественной и более понятной для граждан, а с другой стороны, часто позиционирует страну и ее подходы как образец для других.

Одним из наиболее ярких примеров такого рода национальных экологических идеологий можно назвать Индию. Яркой демонстрацией (и одновременно акцентуализацией) этой идеологии послужила речь премьер-министра страны Нарендры Моди на Давосском форуме 2018 г., которая на фоне экономической прагматики была насыщена цитатами из древнеиндийской философии (Упанишад и других текстов). Эти тексты подчеркивали единство человека и природы, нашу связь с матерью-землей; нашел отражение и концепт “детей Солнца” (“сурьяпутра”). Политические последствия этого представлены в контексте недавней индийской инициативы по созданию Международного солнечного союза (*International Solar Alliance*), который объединяет страны, расположенные между Северным и Южным тропиками и среди целей которого – более активное использование солнечной энергии как “*global common*”.

В то же время индийский премьер подробно остановился на проблемах разделенного мира. Основной барьер на пути достижения планетарного человеческого единства, по его мнению, – разрыв между богатыми и бедными странами. Нарендра Моди детально изложил данный тезис применительно к проблеме изменения климата. Он отметил, что развитые страны, хотя и призывают к ограничению выбросов парниковых газов и “безуглеродной экономике”, не хотят делиться соответствующими технологиями с развивающимся миром. Фактически Моди поставил вопрос о том, что новые высокие технологии также являются своего рода “*global commons*” и потому должны быть доступны для всех стран и народов. В отсутствие же этого произойдет лишь еще больший разрыв между богатыми и бедными.

Таким образом, вновь становится актуальным тезис о том, что под предлогом экологических ба-

рьеров и ограничений богатые страны отказываются бедным в развитии. Другая связанная с этим проблема, по словам Н. Моди, – это фактическая недопредставленность стран развивающегося мира во многих международных организациях, прежде всего финансово-экономического характера. В итоге одно из основных утверждений премьер-министра Индии состояло в том, что эффективное решение проблем экологии возможно только по пути преодоления глобального социального и экономического неравенства.

Другим примером развития национальных экологических идеологий стала Япония после цунами и аварии на АЭС Фукусима-1 в 2011 г. В ней формулирование реакции общества на произошедшую катастрофу тесно увязывалось с постулатами традиционной японской этики, такими, например, как “*shikataganai*”: ничего нельзя поделать, и катастрофа эта – неминуемая часть жизни. В ряде трактовок использовался и более радикальный концепт “*tenbatsu*” – небесной кары [20]. Понятно, что подобный подход имел своей подоплекой и отказ от слишком настойчивого поиска виноватых в фукусимской аварии, но в то же время способствовал консолидации общества, быстрому переходу к ликвидации ее последствий. На концептуальном уровне пример Фукусимы занял большое место в экологических аспектах теории “общества риска” [21].

В то же время благодаря взвешенной экологической политике многих правительств резкого ухудшения экологической ситуации удалось избежать. Впрочем, в Третьем мире подобных примеров не так много. Здесь в первую очередь речь идет о государствах – членах ЕС. В определенной степени подобное снижение промышленной нагрузки на окружающую среду в странах Запада вызвано и масштабным переносом производства в развивающиеся страны.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ И ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Появление в 1972 г. Первого доклада Римскому клубу “Пределы роста” совпало по времени с проведением первой масштабной Конференции ООН по окружающей среде. Выработка экологических идеологий и усилия международного сообщества по их практической реализации на глобальном уровне с самого начала шли рука об руку. Более того, формат ООН сам по себе стал стимулом для обсуждения параметров текущей природоохранной политики, а также перспектив переустройства глобального порядка на экологических началах [22].

Эта синергия экологических идеологий и практических действий привела и к эффективному

формированию глобального общественного мнения в пользу решения экологических проблем. Растущая популярность экологических идеологий в свою очередь повлияла на принятие значимых политических решений (таких, как Монреальский и Киотский протоколы, Цели развития тысячелетия, Парижское соглашение по климату и др.).

Идеологии и общественное мнение привели вместе с тем к распространению экологической этики, которая носит характер как индивидуального выбора (например, отказ носить изделия из меха), так и корпоративной политики (от призывов в гостиницах ограничить стирку полотенец до крупных природоохранных проектов ведущих экономических компаний мира).

В то же время серьезные различия между “миром с экологией” и “миром до экологии” стали вызовом для многих государств, воспринимаемым иногда как прямая угроза суверенитету. Удорожание себестоимости в экономике за счет природоохранных мероприятий (по крайней мере в краткосрочной перспективе) также является сдерживающим фактором. Нонконформизм некоторых “зеленых” движений приводит к их столкновениям с государствами и корпорациями. Все это в совокупности способствовало тому, что распространение экологических идеологий начало встречать негласное противодействие со стороны государств и корпораций. На словах, естественно, все поддерживали охрану природы (экологическая этика стала уже императивом), но на деле ситуация зачастую иная. Это привело к определенной востребованности государствами политических аспектов ряда эконегативистских теорий (о том, что экологические идеологии — лишь инструмент в глобальной конкурентной борьбе). Особую популярность такой подход получил прежде всего в незападном мире.

В свою очередь это привело к появлению доктрин “суверенных экологий”, когда государство заботится об охране природы, но воспринимает это как свое суверенное право (или в лучшем случае как обязанность, но только перед своими гражданами), не поддается “диктату извне”. Так начал формироваться барьер между глобальными аспектами экологических идеологий (которые, впрочем, вполне естественны в силу планетарного характера экологических проблем) и локальной экологической политикой отдельных государств. Политика США в отношении Киотского протокола и Парижского соглашения показывает, что доктрина “суверенной экологии” востребована отнюдь не только в незападном мире, но и внутри самого Запада.

Таким образом, глобальные экологические идеологии начинают восприниматься не только (и не столько) как возможность для построения

более устойчивого мира будущего, но как вызов и угроза текущей стабильности государств. Это относится и к радикальным концептам “глубинной экологии”, и к “приземленным”, практически реализуемым постулатам “поверхностной экологии”.

Другой вопрос (помимо суверенитета и конкуренции), оказывающий сдерживающее воздействие на имплементацию экологических идеологий, относится к тесной взаимосвязи глобальной экологии и демографии. При этом дополнительную сложность (и деликатность) в эту дискуссию вносит то обстоятельство, что обсуждение этих проблем не всегда является политкорректным. Можно бороться с изменением климата самим по себе, сокращать выбросы парниковых газов, вводить соответствующие квоты и ограничения, но это не решит глобальную стратегическую проблему долговременного (в масштабе столетия) и гарантированного обеспечения пищей и водой увеличивающегося населения Земли. Данная проблематика ставит вполне логично вопрос о глобальном демографическом планировании.

Здесь речь идет не только о росте народонаселения. Проблема еще и в том, что если бы все население Земли зажило по стандартам потребления западного среднего класса (даже *low middle class*), то для его обеспечения пищей, водой и другими природными ресурсами понадобилась бы не одна, а три планеты Земля. И поскольку прирост населения Земли ожидается на уровне миллиард в десятилетие, то для обеспечения по западным стандартам 9–10 млрд людей уже в недалеком будущем понадобятся не три, а четыре планеты, а затем — пять и так далее. Поскольку новых планет у нас нет, динамично растущему населению придется довольствоваться одной.

При этом есть предельные возможности биосферы (по пахотным площадям, запасам пресной воды и т.п.), которая и так уже обслуживает человечество по максимуму своих возможностей. Не случайно во многих экологических теориях, начиная от “Пределов роста”, основным постулатом является то, что человечество переходит за грань возобновляемых ресурсов природы, и потому необходим поворот к экологическому планированию и самоограничению.

Самоограничение, по вышеприведенной логике, неотделимо от разрыва между “Севером” и “Югом”. Прогнозы указывают на то, что в ближайшие несколько десятилетий ожидается рост не только общего населения Земли до 9–10 млрд человек, но, что не менее важно, рост глобального среднего класса как минимум до 3 млрд. А это вызовет рост глобального потребления продовольствия не менее чем на 50%, электроэнергии — на 45, воды — на 30%. И все это будет происходить в тот период,

когда пороговые показатели состояния окружающей среды будут накладывать все новые ограничения, а изменение климата и другие процессы все больше будут сказываться на различных аспектах благополучия человека и природы.

Неполиткорректно говоря, растущее население Земли будет скоро невозможно прокормить. Точнее, на пресловутую миску риса в день на человека ресурсов планеты, возможно, хватит и при росте человечества в миллиард за десятилетие (с учетом неизбежного согласия на генно-модифицированные продукты). Но вот обеспечить продовольственную и иную потребительскую корзину для представителей глобального среднего класса (который также будет прирастать по миллиарду в десятилетие) у нашей планеты, скорее всего, ресурсов недостаточно.

Главную проблему в будущем представит не просто неконтролируемый рост населения Земли, а неконтролируемый рост среднего класса. Поэтому для предотвращения “неомальтузианского апокалипсиса” нужно не сдерживание общего прироста населения в беднейших странах мира, — что сейчас является стереотипом глобального демографического планирования и уже вызывает острейшие споры и протесты, в том числе религиозно обусловленные [23]. Проблемой (или задачей — в мальтузианской парадигме) является недопущение глобального перехода жителей неразвитых сегодня стран в средний класс. То есть бедные должны и дальше оставаться бедными. Иначе природа не выдержит. И цена “входного билета” в глобальный средний класс должна стать абсолютной запретительной, за пределами высокой [24].

А это означает сознательное глобальное сдерживание развития — как целых государств Третьего мира, так и отдельных людей, живущих в них, и их домохозяйств. Очевидно, что конфликты будущего, которые будут проистекать из этого, могут оказаться мощнее, чем геополитические споры сегодняшнего дня. И, в отличие от геополитики, здесь нет готовой дорожной карты решения. А есть либо “мальтузианский хоррор”, либо перекладывание проблемы на следующие поколения — и полный подрыв веры в прогресс.

Тем самым возрождается эсхатологическая идеология старого доклада “Пределы роста” — но уже в более циничной версии — не для всех, а только для бедных. И никакое “устойчивое развитие” в его нынешнем виде не поможет.

С этим увязан и другой комплекс проблем, вытекающих из глобального неравенства, — глобальная миграция. Достаточно вспомнить наплыв мигрантов в страны ЕС и отсутствие солидарности между последними. По вышеприведенной логике, это только начало. Многомиллионное миграцион-

ное давление на страны развитого мира будет продолжаться нарастать.

Поскольку “*global commons*” являются всеобщими, то, исходя из этой ценности планетарного единства человечества, каждый имеет право жить там, где лучше доступ к ним. А отсюда виден прямой вызов нерушимости государственных границ стран “золотого миллиарда”. И стремление богатых стран отгородиться от бедных суверенными границами будет все острее восприниматься как своего рода планетарный апартеид между богатыми и бедными.

В результате еще не оформленные неоглобалистские ценности права на развитие и права на равное развитие вступают в противоречие как с ценностями суверенитета, так и с неполиткорректной задачей по ограничению развития бедных стран и отгораживанию развитого мира от остального человечества (“Крепость Европа”). Конфликты будущего, которые могут возникнуть из этого противоречия, будут носить существенно иной характер, чем традиционные геополитические войны современности, но разрабатывать оптимальную глобальную стратегию по их предотвращению нужно уже сейчас.

Развитие технологии также может вступать в противоречие с экологической логикой развития [25]. Речь идет о непрерывном воспроизводстве все новых видов бытовой техники, чья “идеология” рассчитана на краткосрочное использование, после чего они должны заменяться более новыми. Новый смартфон через год-два становится “старым” — потребительская мода требует заменить его другим. С новой машиной происходит то же самое. Естественно, такое перепроизводство оказывает повышенную нагрузку на окружающую среду, а в случае крупногабаритной техники — усугубляет глобальную проблему отходов и их утилизации. Компании-производители под глобальными брендами, хотя и поддерживают природоохранные инициативы (императив экологической этики!), но отнюдь не собираются отказываться от своих стратегий постоянной смены модельного ряда и перепроизводства товаров.

Потому составной частью многих экологических доктрин становится акцент на долгосрочном потреблении товаров. Для этого (помимо индивидуальной этической ответственности потребителя) предлагаются большие налоги на владение техникой, госрегулирование смены модельного ряда, развитие системы проката техники вместо ее покупки, запрет на искусственное ограничение работы техники (типа чипов в принтерах, ограничивающих количество печатаемых страниц, программ в смартфонах, замедляющих их работу через два года и пр.) и т.д.

Пол Хокен с соавторами еще в 1999 г. систематизировал эти предложения в концепции “*Natural Capitalism*” [26]. И хотя ее любил цитировать Билл Клинтон, но за прошедшие с тех пор два десятилетия так ничего и не произошло. Призывы к долгосрочному потреблению на деле оказались столь же нереализуемыми, как и самые утопичные концепты “глубинной экологии”. Причина этого – не только в сопротивлении корпораций, но и в идеологии потребления, которая на поверку оказалась гораздо сильнее экологической.

По большому счету, с этими же вопросами связаны и звучащие в ряде экологических программ призывы к реформе Всемирной торговой организации. Согласно изложенной выше логике, система глобальной свободной торговли вступает в противоречие с экологическими установками на долгосрочное потребление, поскольку она *de facto* поощряет постоянное обновление модельных рядов ради роста потребления. Поэтому в экологическом дискурсе нередко призывы к отказу от принципов ВТО и переходу к своего рода “экологическому протекционизму”, когда государства защищали бы свой рынок заградительными барьерами, но не ради конкуренции, а ради обеспечения долгосрочного потребления. Здесь парадоксально то, что призывы самих экологов к “экологическому протекционизму” по факту смыкаются с концепцией “суверенной экологии” ряда государств, призванной как раз ограничить глобальное экологическое влияние. Наблюдая крайне сложный и малоэффективный процесс даже незначительной реформы квот в МВФ, с которой на словах были все согласны, трудно ожидать, что подобные предложения экологов, по которым нет консенсуса, будут быстро реализованы. Впрочем, предпринятые Д. Трампом торговые войны против ЕС и Китая, ставящие под сомнение основные принципы ВТО, дают сторонникам “экологического протекционизма” новую надежду.

Еще один непростой аспект реализации экологических доктрин – то обстоятельство, что в загрязнении окружающей среды усиливается сдвиг от бедных к богатым. Если в 1972 г. на первой Конференции ООН по окружающей среде Индира Ганди говорила, что главный загрязнитель в мире – это бедность и нищета, то сейчас это превратилось в проблему богатых.

В 2017 г. вышел новый доклад Римского клуба, который получил название “*Come On!*” [27]. В нем говорится, что, в том числе за счет усиления концентрации капитала, верхний квадрант богатых, отвещающих за более чем половину всего воздействия на окружающую среду, вырос. Поэтому работать по снижению нагрузки на природу надо не с бедными, а с миллионерами. И отсутствие адекватных меха-

низмов является одной из причин, почему экологические проблемы остаются нерешенными.

Акцент на “богатых загрязнителях” постулируется не только по отношению к отдельным индивидуумам, но и к государствам. Здесь используется статистика “экологического следа”¹, которая у богатых стран обычно выше, чем у слаборазвитых. Более того, фиксируется, что чем выше индекс человеческого развития, тем больше экологический след [28]. Ни у одной страны пока не получилось добиться высокого индекса человеческого развития при низком экологическом следе. В этой связи звучат предложения о своего рода налогообложении государств (или товаров от их производителей) пропорционально величине экологического следа. Очевидно, что реализация такой идеи также будет иметь серьезные препятствия.

В том же ключе, но как более реализуемая идея, обсуждается и введение “карбонового” налога на продукцию из тех стран с высоким экологическим следом, которые не присоединились к Парижскому соглашению. Еще одно предложение – диверсификация взносов стран в глобальные экологические фонды пропорционально величине их экологического следа. Эти идеи встраиваются в более широкую дискуссию о целесообразности справедливого перераспределения финансовых ресурсов в мире. Но, как и любое “перераспределение”, его экологические вариации также приводят к появлению значимого числа противников. Вновь встает вопрос о размывании государственного суверенитета, надгосударственном глобальном характере принимаемых решений и пр.

В целом, энвайронментализм как глобальная экологическая идеология в его различных вариантах уже оказал серьезное воздействие на мировую политику, в результате чего были подписаны масштабные международные соглашения, ведется работа по их реализации. Практическим императивом (по крайней мере на словах) стала экологическая этика. В то же время реализация многих положений экологических доктрин наталкивается на негласное, но осязаемое сопротивление. Глобальные экологические идеологии зачастую воспринимаются как вызов суверенитету государств

¹ Экологический след (*Ecological Footprint*) – интегрированный показатель нагрузки на окружающую среду, который измеряется на протяжении 20 лет в докладах “Живая планета” Всемирного фонда дикой природы и выражается в глобальных гектарах. Это – площадь земли, необходимая для обеспечения человека ресурсами и переработки производимых им отходов. За исключением малых островных государств, самый значительный экологический след на душу населения – обычно у развитых стран мира.

и конкурентоспособности корпораций. Здесь постулат окружающей среды как глобального всеобщего достояния часто не работает.

Наиболее острые проблемы возникают в контексте взаимосвязи глобальной экологии и демографии. Становится все более явным противоречие между природным и социальным аспектами глобального всеобщего достояния. В частности, призывы к ограничению потребления из-за исчерпаемости природных ресурсов Земли вступают в противоречие с правом на развитие (в том числе с правом на развитие среднего класса) в странах Глобального Юга. А формирующаяся ценность планетарного единства и равенства человеческого общества как социального “*global common*” транс-

формируется в вытекающее из нее право равного доступа к глобальным благам.

Таким образом, идеология “*global commons*” может привести к столкновению между собой экологического регулирования и социального развития глобального общества. Поэтому перед международным сообществом встает вопрос о совместных усилиях в поиске весьма деликатного баланса между этими сферами и в предотвращении возможных конфликтов. В основе таких конфликтов лежит, во-первых, противоречие между государственным суверенитетом и “*global commons*”, а во-вторых, разрыв между Севером и Югом как вызов всей концепции глобального всеобщего достояния. В конечном итоге конфликт человека и природы упирается в конфликт богатых и бедных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Law J. And if the Global Were Small and Noncoherent? Method, Complexity and the Baroque. *Environment and Planning D: Society and Space*, 2004, vol. 22, no. 1, pp. 13-26.
2. Hall M. Beyond the Human: Extending Ecological Anarchism. *Environmental Politics*, 2011, vol. 20, no. 3, pp. 374-390.
3. Smith M. Wild-life: Anarchy, Ecology, and Ethics. *Environmental Politics*, 2007, vol. 16, no. 3, pp. 470-487.
4. Mies M., Shiva V. *Ecofeminism*. London, Zed Books, 1993. 328 p.
5. Shantz J. Scarcity and the Emergence of Fundamental Ecology. *Critique of Anthropology*, 2003, vol. 23, no. 3, pp. 144-154.
6. Carter E.D. Population Control, Public Health, and Development in Mid Twentieth Century Latin America. *Journal of Historical Geography*, 2018, vol. 62 (October), pp. 96-105.
7. Straubhaar T. Are There Ecological Limits to Population Growth? *Revue Suisse d'economie politique et de statistique*, 1989, vol. 125, no. 3, pp. 473-485.
8. Gimenez M.E. Does Ecology Need Marx? *Organization and Environment*, 2000, vol. 13, no. 3, pp. 292-304.
9. Coan T.G., Holman M.R. Voting Green. *Social Science Quarterly*, 2008, vol. 89, no. 5, pp. 1121-1135.
10. Biermann F. “Earth System Governance” as a Crosscutting Theme of Global Change Research. *Global Environmental Change*, 2007, vol. 17, no. 3-4, pp. 326-337.
11. Bullkeley H. Reconfiguring Environmental Governance: Towards a Politics of Scales and Networks. *Political Geography*, 2005, vol. 24, no. 8, pp. 875-902.
12. Maler K.-G. International Environmental Problems. *Oxford Review of Economic Policy*, 1990, vol. 6, no. 1, pp. 80-108.
13. Саворская Е.В. Оттенки зеленого: энвайронментализм в контексте классических идеологических течений. *Политические исследования*, 2015, № 6, сс. 103-115. [Savorskaya E.V. Ottenki zelenogo: envaironmentalizm v kontekste klassicheskikh ideologicheskikh techenii [Shades of Green: Environmentalism in the Context of Classical Ideological Trends]. *Polis. Political Studies*, 2015, no. 6, pp. 103-115.]
14. Hoffmann M. *Climate Governance at the Crossroads: Experimenting with a Global Response after Kyoto*. Oxford University Press, 2011. 224 p.
15. Сывороткин В.Л. *Экологические аспекты дегазации Земли*. Москва, 1998. 57 с. [Syvorotkin V.L. *Ekologicheskie aspekty degazatsii Zemli* [Environmental Aspects of Earth Degassing]. Moscow, 1998. 57 p.]
16. Сывороткин В.Л. *Глубинная дегазация и глобальные катастрофы*. Москва, 2002. 251 с. [Syvorotkin V.L. *Glubinnaya degazatsiya i global'nye katastrofy* [Deep Degassing and Global Catastrophes]. Moscow, 2002. 251 p.]
17. Uekoetter F., ed. *The Turning Points of Environmental History*. University of Pittsburgh Press, 2010. 220 p.
18. Poguntke T. New Politics and Party Systems: the Emergence of a New Type of Party? *West European Politics*, 1987, vol. 10, no. 1, pp. 76-88.
19. Muller-Rommel F. The Greens in Western Europe: Similar but Different. *International Political Science Review*, 1985, vol. 6, no. 4, pp. 483-498.
20. Перова А.Е. Локальные нарративы “новой” катастрофы на примере аварии на АЭС Фукусима-1 в Японии. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, 2017, № 2, сс. 226-234. [Perova A.E. Lokal'nye narrativy “novoi” katastrofy na primere avarii na AES Fukusima-1 v Yaponii [Local Narrative of a “New” Catastrophe Based on the Example of the Fukushima-Daiichi Nuclear Power Station Breakdown in Japan]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki*, 2017, no. 2, pp. 226-234.]
21. Beck U., ed. *World at Risk*. Cambridge, Polity Press, 2009. 269 p.

22. Kharkevich M.V. The Critical Experience of Russia in Global Governance. *Russian Politics and Law*, 2016, vol. 54, no. 5-6, pp. 461-476.
23. Ровинская Т. Американский инвайронментализм как политическая идеология. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 7, сс. 64-72. [Rovinskaya T. Amerikanskii invayronmentalizm kak politicheskaya ideologiya [American Environmentalism as a Political Ideology]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 7, pp. 64-72.] DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-7-64-72
24. Canavan G., Robinson K.S., eds. *Green Planets: Ecology and Science Fiction*. Middletown, Connecticut, Wesleyan University Press, 2014. 295 p.
25. Morton T. *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*. University of Minnesota Press, 2013. 240 p.
26. Hawken P., Lovins A., Lovins L.H. *Natural Capitalism: Creating the Next Industrial Revolution*. Boston, Little, Brown and Co., 1999. 396 p.
27. Von Weizsacker E., Wijkman A. *Come On! Capitalism, Short-Terminism, Population and the Destruction of the Planet*. A Report to the Club of Rome. New-York, Springer Verlag, 2018. 220 p.
28. Wackernagel M., Onisto L., Bello P., Linares A.C., Falfan I.S.L., Garcia J.M., Guerrero A.I.S., Guerrero Ma.G.S. National Natural Capital Accounting with the Ecological Footprint Concept. *Ecological Economics*, 1999, vol. 29, no. 3, pp. 375-390.

THE CONCEPT OF “GLOBAL COMMONS” AS A FACTOR OF GLOBAL INSTABILITY

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 8, pp. 55-63)

Received 11.02.2019.

Oleg N. BARABANOV (drolegbarabanov@gmail.com),

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

Elena A. MASLOVA (e.maslova@inno.mgimo.ru),

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation;

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (IE RAS), 11, build. 2, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation.

Environmentalism as a global environmental ideology in its various aspects has had a serious impact on world politics; as a result, comprehensive international agreements were signed. Thus, environmental ethics has become a practical imperative. But at the same time, the implementation of many provisions of environmental doctrines faces sometimes tacit but tangible resistance. This is due to the fact that global environmental ideologies are often perceived as a challenge to the sovereignty of states and the competitiveness of corporations. Over the past decade, the term “global problems” crystallized into a new concept of “global commons”, understood both in a narrow ecological sense and in a broader social one. The modern development of mankind and global inequality raises the question of access to the public domain, which in the future will lead to a fundamentally new type of conflict. Already, the most acute problems arise in the context of the interrelation of global ecology and demography. The contradiction between natural and social aspects of the “global commons” is becoming increasingly apparent. In particular, calls for limiting consumption due to the exhaustibility of the Earth’s natural resources conflict with the right for development (including the right to develop the middle class) in countries of the Global South. Furthermore, the emerging value of planetary unity and equality within human society as a social “global common” is transformed into the right for equal access to global benefits arising from it. Thus, the ideology of “global commons” can lead to a clash between the dynamics of environmental regulation and social development of a global society. Therefore, the international community is faced with the question of joint efforts to find a very delicate balance between these areas and to prevent possible conflicts in the future.

Keywords: global commons, ecology, ecological ideologies, environmentalism, ecological footprint, environmental policy, sustainable development, global inequality.

About authors:

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Science, Professor.

Elena A. MASLOVA, Candidate of Political Science, Associate Professor, Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-55-63